

Ефим Ярошевский

Из Европы, с любовью

* * *

От теплого хлеба и нищей сумы –
до звездного неба, где все спасены.
От спелого лета,
от белого Фета –
до грозной метели и трезвой страны...
От тихого Дона – до тихого стога,
от Волги – до волка...
и вечной весны!

* * *

Ледяное в лугах Лукоморье,
калорифер согреет леса...
Утопая в поверьях и в горе,
проступает зари полоса.

Там, где кофе был жестко размолот,
сделан первый горячий глоток...
где ножом Митридат был заколот
и закатан в цементный каток.

Там рванулся в снега ломоносов,
Соломон комсомолу не рад...
Вся москва, посинев от заносов,
завершает последний парад.

* * *

Поговорим о прозе Пастернака...
Но тут легко запутаться, однако.

...Он зачитался, он читал давно.
Злой ветер дул в осеннее окно.
Однако, Рильке тайну все о Ларе
чуть не раскрыл ему... и дело не в пожаре.
Ужели ларчик просто открывался?
Поэт с трудом от прозы отрывался,
чтобы примкнуть к поэзии... О нем
сложили сказку. Впрочем, ход конем
избавил бы его от ужаса и плена,
и участи слепого Гуинплена...
А заодно – от Сартра и Гюго.

.....
А там Бахтин... там тайные намеки.
И шахматы. (Набоков – да, талант!)
Идущий на работу дуэлянт
уже давал суровые уроки.
Он был достоин всяческих похвал,
трудолюбив, учтив, благопристоен.
Был образован. Был отважный воин.
Но Сартра никогда не понимал...

Кого там только не было, однако!
Был Пушкин, ловелас, был Крузенштерн,
Патрис Лумумба, царь и Анна Керн.
Там тайная обитель Пастернака.
Там Персия и грозные набеги,
и бабочки, и злые печенег.
...Однако мы забылись...
Ночь взошла –
и пролилась чернилами. Открыто
окно, как рана. И не спит Лолита.
(Молчим о Ходасевиче, о Польше,
мы все сказали, и не нужно больше.)

Так мало в мироздании тепла!
Вселенная, сгоревшая дотла,
еще сияет, но уже мертва.
...Мела метель, куражились морозы.
Умберто Эко гладил имя Розы.
Живаго медлил. Вся в огне Лариса...
Так начинался новый день Бориса.

Из цикла «Сerpентарий»...

1

Виноградная давка в давилъне мира,
полуголая девка в разгаре пира,
подноготная лавка в ногах кумира,
там гуляет Кафка вокруг Овира...

Карнавальные лавры в подвалах духа,
повариха Мавра, зима-старуха...
Грозный мрак холокоста, голодная вьюга,
мировые погосты да метель-подруга...

* * *

Не слушай отрока, не чествуй водолея!
Играя стеклами над впадиной пруда,
зеленым паводком над родиною рея,
белела облаков летучая гряда...

Но грозный увалень таинственного берега
туманом северным заворожил стада...
Там по ночам скитается орда –
без сна, без отдыха (без чести, без стыда!),
там в звездах катится
небесная телега,
храня и пестуя ночные города...

* * *

Алеет помидор, синее слива,
и пахнет рыбой море
в час отлива.
Там обростае инеем амбар,
там партитура оперы, там бар –
и крики мусульман: «Аллах Акбар!»
...Там брат сестру торопит в час заката
(а в комнате нет ни сестры, ни брата!).
Там преступленье, призрак, там обман...
Там площадь изуродовал туман...
Там трапеза,
где гордый лист лавровый
ложится в лебединый суп багровый...
Там Бэрримор, там баронесса Штраль.
Чудак Арбенин.
Лермонтов.
Мистраль...

* * *

На губах томится Бах,
И слезой сочится вереск.
Где треска идет на нерест,
Там бессонница и страх.
Рыба тает на кострах
(стирка маек и рубаш),
где луна ползет на берег,
рыбки в маленьких гробах
засыпают без истерик.
Соль на девичьих губах...

* * *

И наша Россия не наша,
И спят в опустевших гробах
Знакомая Чехова – Маша,
И бедный барон Тузенбах.

Сквозь кружево пауз и реплик
Тригорин уходит в туман,
за пулю хватается Треплев,
Шарлотта стучит в барабан.

...Дымится вдали синагога,
И в холоде страшных равнин
Еврей уповает на Бога
И верит в судьбу славянин.

.....

Поклонимся вечной отчизне.
Натянуто время – струной!
Концертная слава при жизни,
Посмертный костюм ледяной...

===== alles!?

Германия

